

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ: ЧЕЛОВЕК В ИНТЕРНЕТЕ*

С.А. КОРОЛЕВ

Человеческая жизнь имеет несколько измерений. Не претендуя на глубокую и всестороннюю теоретизацию, отметим два фундаментальных среза, две составляющие, две «половинки» жизни человека: обыденную, рутинную, полуавтоматическую, ежедневное, ежемесячное, ежегодное повторение привычных, стандартных действий и манипуляций, то, что принято связывать с понятием *повседневность*, и экзистенциальную, связанную с проявлением глубинной сущности человека как «социального животного» и выражением индивидуальности каждого конкретного субъекта.

Разумеется, подобное деление является очень условным. Мне уже доводилось отмечать, что в любом случае повседневность — это не безликий, подчиняющийся рутине и инерции мир, в котором нет места глубинным смыслам человеческого существования, не некая «поверхность бытия», а полноценное измерение человеческой жизни, могущее быть понятым только в контексте фундаментальных общественных процессов, происходящих в обществе¹.

В то же время экзистенциальное проявляется в кластерах повседневности и, во всяком случае, формы и способы его проявлений в значительной степени детерминируются условиями и формами повседневного существования человека. Тем не менее, как рабочий инструмент избранная выше дифференциация представляется полезной и разумной.

В данной публикации автор оставляет за рамками исследования интернет как повседневность (хотя это большая и очень интересная проблема, требующая социально-философского осмысления). Попробуем проследить интернет-жизнь как проявление человеческой сущности, главного в человеке, как бытие человека в жизненном пространстве, где присутствует любовь, дружба, ненависть, надежды и разочарования, личное самоутверждение и творческая самореализация, где проявляются индивидуальные комплексы и социальные фобии и т. д.

1. Человек в Сети

Когда мы говорим: *человек в интернете*, мы должны конкретизировать, о *каком* человеке идет речь? *Что* за человек пришел в интернет? Во-первых, это человек, который уже самим фактом

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда «Человек в экономике и других социокультурных сферах», грант № 08-03-00175а.

своего пребывания в Сети интегрирован в глобальные процессы, происходящие в современном мире. Человек, сталкивающийся с информационным потоком, который он едва ли в состоянии освоить, и с обилием технологических вызовов, которым он едва ли в состоянии в полной мере соответствовать. Человек, испытывающий сильные эмоциональные и психологические перегрузки, особенно, если он живет в современном мегаполисе. Наконец, если говорить уже об обитателях интернета, это *человек, который меняется* постольку, поскольку он присутствует в Сети и трансформируется всемирной Сетью.

Маршаллу Маклюэну принадлежит мысль о том, что СМИ представляют собой нечто большее, чем просто пассивные источники информации, они поставляют пищу для мозга и они же формируют мыслительный процесс. Маклюэн написал свои самые значительные работы задолго до появления интернета и во многих отношениях оказался провидцем. Сегодня специалисты утверждают, что мышление человека, проводящего много времени в интернете, трансформируется. Это же ощущают рядовые пользователи Сети. Человек меняется интеллектуально, мотивационно, психологически. Причем изменению подвержены даже базовые мыслительные механизмы.

Интернет видоизменяет содержание той самой «пищи для мозга», о которой говорил канадский философ, и, что гораздо важнее, способ и формы ее «представления» мозгу. Вот характерное признание американского писателя Николаса Карра, автора одной из нашумевших публикаций о воздействии интернет-технологий на человека: «Судя по всему, интернет уменьшает мою способность концентрироваться и созерцать. Мой мозг теперь ожидает поступления информации в том виде, в каком ее распространяет Сеть – в виде стремительного потока частиц. Раньше я, как аквалангист, погружался в глубины океана слов. Теперь же я скольжу по поверхности как водный лыжник.

И я не одинок. Когда я рассказываю о своих проблемах с чтением друзьям и знакомым – большинство из них принадлежат к миру литературы – многие говорят, что испытывают нечто подобное. Чем чаще они используют интернет, тем больше усилий им приходится прилагать, чтобы не потерять концентрацию, читая длинные тексты. Некоторые из блоггеров, за которыми я слежу, также стали упоминать об этом феномене. Скотт Карп, ведущий блог, посвященный сетевым СМИ, недавно признался, что совершенно перестал читать книги. «В колледже я специализировался на литературе и был ненасытным книголюбом», – пишет он. Так что же произошло? Он пытается разобраться: «А что, если я читаю только в интернете не потому, что изменился способ чтения –

например, мне так удобнее — но потому, что изменился способ моего мышления?»².

Но проблема заключается не только в том, что поток информации, исходящий из Сети, по-иному организован, дробен, фрагментирован, фантомен. Не менее значимо и то, что интернет-информация, интернет-тексты — иные с точки зрения структуры и заключенных в них смыслов. Более простые, более плоские, содержащие меньше деталей и нюансов, чаще всего не предполагающие целостного восприятия проблемы, а располагающие к быстрому поглощению и поверхностному восприятию.

Словом, человек, пришедший во всемирную Сеть, — это все тот же фундаментальный тип — человек читающий, *homo legens*, но человек, *по-другому* читающий. И *другое* читающий. Проблема в том, с каким восторгом значительная часть социума отдает свой мозг и свой интеллект на растерзание и, не побоюсь этого слова, поругание информационной технологической машине. И насколько слаба у интернет-юзеров рефлексия по поводу сути и последствий этого процесса.

Но помимо этого универсального давления, оказываемого на сознание человека Сетью как порождением глобального мира, давления, не зависящего от расы, национальности и государственной принадлежности индивида, есть нечто специфическое в собственно российском интернет-субъекте. И то, что стало с человеком на постсоветском пространстве и, что не менее важно, с человеком *с* постсоветского пространства (потому что огромная часть русскоязычного интернета — это выходцы *с* постсоветского пространства, разлетевшиеся по миру и включенные в интернет-жизнь в тех точках, где они в настоящее время находятся), несводимо к состоянию и трансформации человека вообще, человека мира, каковым делает и/или стремится сделать его Сеть. Человек постсоветский сформирован и анатомирован, собран и разобран двумя десятилетиями бурных перемен и катаклизмов, нередко психологически утомлен, депрессирован, ему присущи апатия и пассивность, нередко переходящие в активизм и лихорадочное возбуждение. Это человек, склонный к проявлению нетерпимости и даже ненависти, поскольку он озабочен поиском виновных и в его личном неблагополучии, и в неблагополучии страны. И, кстати, постсоветский человек, вынужденно адаптирующийся к жизни в другой стране, также отнюдь не являет собой пример ментального и психологического комфорта.

И еще одно: в последние годы в интернет пришел обычный, «простой» человек, *человек-с-улицы*. Сеть больше не является сферой общения продвинутых, в той или иной степени интеллектуальных (или, во всяком случае, связанных с интеллектуальной дея-

тельностью) индивидов, как это, вероятно, было на первых этапах развития русскоязычного интернета. Сегодня Рунет во все в большей степени становится слепком с российского общества. С одной, пожалуй, оговоркой: нельзя не отметить крайний дисбаланс пользователей по возрастным категориям: старшие поколения представлены в Сети непропорционально слабо. Тем не менее, поскольку в России, несмотря на перестройки, новации, модернизации, социальные и политические катаклизмы, все основные типы сознания неумолимо продолжают воспроизводиться, особенно доминирующий тип, специфический российский традиционализм, синтезированный с определенными установками утилитарного сознания, мы можем зафиксировать в пишущем порусски сегменте Сети все существующие ментальные матрицы. Причем как в среднем, так и в молодом поколении, из которого рекрутируется большая часть интернет-пользователей.

Отдельный разговор о молодежи, период социализации которой пришелся на постсоветский период, об этом *интернет-большинстве*. Это поколение знает о советской эпохе только по рассказам, фильмам и газетным или интернет-публикациям. Оно не помнит ломки конца 80-х — начала 90-х, для них путч 1991 г. не является знаковым событием, непосредственно ими пережитым, как и драма 1993-го. Однако жизнь 90-х со всеми их проблемами уже отпечаталась в их сознании. И очень значительная часть двадцатилетних не в состоянии простить «либералам» трудностей и проблем первой половины 90-х — задержки родительских зарплат и пенсий, молочного порошка и секунд-хэнда из гуманитарной помощи, бесконечных каш и киселей вместо нормальной пищи, катастроф своих родных и близких с МММ и «Хопер-Инвестом», невозможности купить элементарные вещи, типа кроссовок для уроков физкультуры и т.п., не говоря уже о дефолте 1998 г.

Сознание нынешних двадцатилетних — это своеобразное *потрясенное сознание*, но потрясенное постфактум, не непосредственно, а как бы инфицированное разлитым в обществе потрясением. При этом это сознание, не отдающее себе отчета в том, что оно — уязвимо и неблагополучно. Восемь «тучных лет» в начале нового века породили у его носителей презумпцию вечности и заслуженности их частных жизненных успехов. Травмы оказались спрятаны где-то глубоко внутри. Как больной часто не отдает себе отчета в том, что он болен, так и молодежь первого десятилетия XXI в. не сознает своих социальных недугов. Тем не менее, социальные травмы родителей и дедов каким-то образом, порой в весьма парадоксальных формах, воспроизводятся в сознании детей и внуков, что в Сети проявляется если не сильнее, то во всяком случае нагляднее, чем в «реале»³.

Все эти обстоятельства привносят в русскоязычное интернет-пространство невиданную нервность, эмоциональность, агрессивность, многообразные проявления фрустрации, неуверенности, самонадеянности, гипертрофированное желание общаться в Сети, граничащее с небрежением к «реалу», и полную неспособность вести дискуссию с оппонентами, прежде всего, идейными. Наконец, массу социальных комплексов и фобий. И все это на фоне широко разлившейся социальной апатии, синдрома травмированного общества⁴. Причем, субъективно это в большинстве случаев не ощущается – индивиды считают себя воплощением нормальности, субъектами, наделенными едва ли не сверхординарной способностью понимать и интерпретировать действительность.

И когда мы, например, фиксируем в Рунете невероятный градус антисемитизма и гомофобии, мощный полемический запал против либералов («либерастов»), невиданный эмоциональный накал вообще, нам следует учитывать специфику этой интернет-аудитории, во всяком случае, значительной ее части. Интернет все больше становится сферой самовыражения ущемленных, подспудно ощущающих собственную неполноценность (и пытающихся камуфлировать ее демонстративной самоуверенностью и даже сверхполноценностью) людей.

При этом надо отметить, что проявляющая себя в интернете публика очевидным образом утратила страх, в котором жили поколения советских людей. Страх сболтнуть лишнее – и сесть по 58-й статье за контрреволюционную агитацию, а позже – нарваться со своим длинным языком на неприятности вплоть до исключения из вуза или увольнения с работы. Причем страх утратили не только молодое, «непоротое» поколение, но и значительная часть тех, кто имеет обширный и не всегда позитивный советский опыт. Конечно, этому способствует возможность выступать «идентифицируемым неизвестным», т.е. писать под *ником*, без указания имени и фамилии. Но мы говорим о более фундаментальном изменении общественной ментальности, и это не может быть сведено к фактору анонимности. Трудно не видеть, что искоренение, хотя бы и неполное, частичное, страха если не из российского общества, то хотя бы из такого своеобразного его сегмента, как русский интернет, – это следствие процессов, начатых в период горбачевской перестройки и в 90-е годы.

Как это ни печально, но приходится констатировать, что, утратив страх, значительная часть интернет-населения утратила и чувство стыда. Стыд – это, помимо всего прочего, трансформированный страх общественного осуждения, граничащего порой с презрением. Многие культурные табу в виртуальном пространстве исчезают, субъект, актер, юзер позволяет себе в Сети то, что ни-

когда не позволил бы в «реале». Ту степень агрессивности и одиозности, которые немислимы в реальной жизни не только по этическим причинам, но и по соображениям самым практическим и рациональным.

С последним, т.е. с аннигиляцией культурных запретов, в значительной степени связана и трансформация языка общения в Рунете. В основном обитатели русскоязычного интернет-пространства общаются на плохом русском языке, в котором демонстративное небрежение его правилами и нормами призвано скрыть невладение им и неграмотность. Небольшая часть «интернет-традиционалистов» сохраняет приверженность так называемому олбанскому⁵, специфическому субкультурному сленгу («превед», «ужос», «красавчег», «выпей йаду», «убей себя ап стену» и т.д.), который оказался, впрочем, не в состоянии завоевать все обширное интернет-пространство. «Олбанский» – это, как я полагаю, явление умирающее, поскольку интернет, если и имел когда-то, на ранних этапах своего становления, признаки субкультуры, теперь очевидным образом превращается в слепок с социума, хотя и не во всем, не буквально повторяющий его контуры.

Наконец, часть населения Рунета использует язык, весомой составляющей которого является русский мат, нередко, кстати, предупреждая в своих блогах, что они намерены позволять себе именно эту стилистику общения. И это также не имеет смысла рассматривать в терминах субкультуры. Во-первых, мы не можем объявить субкультурой едва ли не большую часть нашего общества, широко использующую этот язык. Во-вторых, мат в интернете, т.е. мат в *письменной* речи, – это нечто иное, чем мат на улице или на кухне и, полагаю, здесь он, помимо всего прочего, является проявлением демонстративного небрежения, вызова общественным нормам и одним из средств (впрочем, весьма примитивным) самоутверждения в Сети.

В целом интернет является индикатором состояния и самоощущения человека современного российского общества ровно в той степени, в какой он является отражением состояния становящегося российского гражданского общества (что является отдельной большой проблемой).

2. Интернет как среда самоутверждения

Итак, один из основных импульсов пришедшего в интернет постсоветского человека – стремление к самоутверждению. Подобное стремление вообще естественно для человека, и тем более оно объяснимо в описанном выше историческом контексте. Самоутвердиться в Сети возможно как в процессе некой *креативной*

деятельности (создание собственных сайтов и блогов), так и в процессе участия в интернет-дискуссиях (форумы и те же блоги) посредством некой *реактивности*. В другой системе координат речь может идти о самоутверждении *интеллектуальном*, посредством выдвижения ярких идей, и *статусном*, путем успешного продвижения («раскрутки») своих интернет-ресурсов.

Однако представление о том, что интернет – это сегмент, где самоутвердиться проще, чем в реальной жизни, иллюзорно. На заре интернета высказывалось оптимистическое мнение, что всемирная Сеть – это своего рода пространство свободы и равенства, где аннигилируется существующая в «реале» система иерархий и статусов. Что это род независимого социального пространства, лежащего вне государственных границ и неподконтрольного власти в любом виде. «Мы устанавливаем свой собственный *Общественный Договор*. Этот способ правления возникнет согласно условиям нашего, а не вашего мира. Наш мир – другой... Мы сотворим в Киберпространстве цивилизацию Сознания. Пусть она будет более человечной и честной, чем мир, который создали до того ваши правительства»⁶.

Прочитую одного из первых исследователей Рунета С.А. Дацюка. Вот что он писал о доинтернетовских временах: «Коммуникация оставалась организованной по основному принципу статусности касательно передаваемого содержания и по принципу асимметрии центр-провинция касательно иерархии и связи входящих в коммуникацию элементов... В любом обществе любой индивид принимает эти правила как данность: доступ в коммуникацию возможен лишь через статус (должность, звание, богатство, легитимные полномочия доступа (имя)). *Internet* преобразует культуру, где доступ к коммуникации возможен через статус, в культуру, где доступ к коммуникации непосредственно сетевой: каждый доступен каждому вне социального статуса»⁷.

Это было написано в начале 1997 г. Не берусь судить о том, насколько эта констатация была адекватна тогдашней ситуации в русском интернете. Изучение истории наводит нас на мысль, что на ранних стадиях любого общественного движения в нем больше равенства и справедливости, чем на пике его развития, независимо от того, идет ли речь о зарождении христианства, распространении революционного марксизма или становлении интернет-сообщества. Но если бы дело со статусами обстояло так, как писал о том Дацюк, то Сеть должна была бы стать средой чистой самореализации, не отравленной амбициями самоутверждения. Однако, очевидным образом, дело обстоит иначе. И прежде всего потому, что с развитием интернет-технологий очень быстро появились рейтинги интернет-сайтов (а затем и блогов). А ничто

не является столь явным и демонстративным воплощением статусного, иерархического начала, как рейтинг.

И в Сети в целом, и в том же Живом журнале (который один из интернет-аналитиков очень точно назвал «интернетом в интернете») появляется своя элита, свои «звезды», затем идет следующий ряд, который в Живом журнале именуется «тысячниками» (пользователи, имеющие более тысячи френдов/друзей; это уровень, который позволяет использовать свой интернет-ресурс для зарабатывания денег), и далее — все прочие, но не единым строем, не сплошной массой, а расположившись на многочисленных ступеньках своеобразной статусной Табели о рангах.

При этом становится очевидным, что успех и возможность самоутверждения в Сети не являются производными от качества и количества публикуемых текстов/постов, а зависит от многих приводящих обстоятельств, от статуса и известности пользователя в «реале» до тематики тех или иных сайтов/блогов. Естественно, интерес к сайтам и блогам людей известных и тем более людей публичных значительно выше среднего. Иными словами, и в интернете рядовому юзеру сложно соперничать с Артемием или Александром Лебедевыми, с Виталием Третьяковым или с Боженой Рынской, с Тиной Канделаки или Сергеем Доренко. Это значит, что статусное «расслоение» в русском интернете — колоссальное, и возможности самоутверждения тех, кто не находится в первых рядах российских интернет-деятелей или в элите блоггеров, — весьма относительные.

Иными словами, попытки реализовать потребность в самоутверждении в интернет-пространстве часто приводят к разочарованию. Оказывается, что устройство виртуального мира не многим отличается от устройства мира реального. И человек, взыскующий общественного признания в Сети, часто так и остается с ощущением невостребованности и непризнанности, а его суждения по-прежнему представляют интерес для весьма ограниченного круга людей (хотя, возможно, и несколько большего, чем в «реале»). Но ведь важны и степень, и качество этого интереса. Интерес в интернете — условный и специфичный, чаще всего легкий и поверхностный, в большинстве случаев быстро проходящий. И главное, фокус этого интереса непостоянен и перемещается от одной фигуры к другой.

Хотя все познается в сравнении, и, по-видимому, для очень многих обитателей социальных сетей регулярное общение даже с несколькими десятками «френдов» является серьезной психологической компенсацией непризнанности и нереализованности в «реале», дополнением, а то и замещением реальной жизни. А ощущение самореализации или самоутверждения не сводится к дос-

тижению высокого места в рейтинге. Важно субъективное ощущение востребованности и признанности.

Наконец, существует категория людей, для которых интернет-пространство становится пространством творческой самореализации. В Сети впервые публикуется огромное количество стихов, рассказов, сказок и т.д. В этом смысле интернет — это новое поле реализации творческих возможностей человека. (В скобках замечу, что мы здесь говорим не о публикациях на интернет-сайтах, которые формально или по сути являются СМИ или электронными библиотеками, а об обнародовании текстов, которое автор осуществляет в сугубо индивидуальном порядке, от своего собственного имени, минуя любые экспертные инстанции.) И, конечно, в эпоху цифровой техники в Сети выставляется огромное количество людей, занимающихся художественной фотографией.

Причем речь идет о самореализации самого обычного, массового человека, часто лишённого ярко выраженных способностей и талантов, необходимых в той области, в какой он пытается выразить себя. Кстати, весьма нелегко назвать хотя бы одного-двух профессиональных литераторов (профессиональных в том смысле, что они публикуются за пределами интернета и что литературная деятельность является для них основной), которые самутверждались бы, вывешивая в Сети *ранее неопубликованные* в печатных изданиях, на бумажных носителях тексты. Если, конечно, не говорить о специфических пиар-акциях.

3. Имитация жизни

With a little help from my friends. Человек пытается найти в Сети то, чего ему недостает в реальной жизни: общение, признание, сочувствие, поддержку, порой даже любовь. В интернет выплескивается огромное количество боли, жалоб, сетований, стонов, разочарований, явных и неявных просьб о помощи (мы здесь говорим только о помощи психологической, не материальной). Несчастливая любовь (аудитория Рунета молода), страх перед одиночеством и болезнями, жизненные трудности. С интернетовскими «френдами» делятся самыми интимными подробностями своей жизни, тем, чем в реальной жизни уместно было бы поделиться с близкими друзьями, в крайнем случае, с коллегами по работе. Тем не менее, эти откровения становятся публичными — их имеют возможность прочитать сотни или даже тысячи посетителей того или иного блога.

Распространенным и довольно мощным инструментом межличностной сетевой коммуникации являются сайты знакомств. Это, прежде всего, весьма эффективный прикладной инструмент для тех, кто стремится найти себе пару и затем перевести завязав-

шиеся контакты в «реал». Но это сюжет, который скорее вписывает в проблематику «интернет и повседневность». В то же время подобные сайты — это прибежище тех, у кого по каким-то причинам не осталось моральных или психологических сил для реального общения, и в этом случае — это уже некий суррогат, пространство «параллельной жизни».

Понимание того, что существует огромный слой людей, которые только имитируют желание установить контакты с себе подобными, с противоположным (а в иных случаях и со своим) полом и затем продолжить их в «реале», широко распространено в Рунете. Можно найти немало иронических и раздраженных высказываний по этому поводу. Из множества записей на эту тему проступает некий обобщенный образ *Виртуала* и особенно, конечно, *Виртуалки*, тех, для кого интерес к общению ограничен интернетом. Поэтому умудренные опытом посетители сайтов знакомств, приходящие на них с практическими целями, предупреждают: необходимо вовремя расколоть, раскусить *виртуалку (-ла)*.

Но то, что для одних является прелюдией к реальному, живому общению, для других становится альтернативой этому общению. В сущности, это аналог или суррогат реальной жизни. Но возникающие таким образом отношения, очевидно, должны нести отпечаток какой-то дефектности. И этот момент присутствует: необязательность, возможность в любой момент прервать их без объяснения причин, в значительном числе случаев анонимность, во всяком случае, в том смысле, какой вкладывается в это понятие в реальной жизни, взаимозаменяемость фигур общения... Для виртуалов важны тип процесса и его непрерывность.

Быть другим. Всемирная Сеть позволяет сменить жизнь, жить не своей подлинной, а сконструированной, параллельной жизнью. Вот любопытное признание, отмеченное мной на интернет-форуме сайта «Философская Самара»: «Да, я тоже проводил время в инете, и меня забавляла именно ***безликость в многоликости***: возможность (безнаказанная!) быть кем-то другим. Так что, если говорить языком сказок, это не шапка-невидимка, а скорее оборотничество (причем без выпадения волос, вырастания клыков и тому подобных мучений): можно быть кем угодно и когда угодно. Мистификация в бесконечности, потому что нет возможности поставить точку — любое признание может быть (и должно по законам сети) расценено как очередная мистификация. Тысяча и одна ночь рассказа о себе — вот что такое блог. Я могу быть одновременно и рассказчиком и рассказываемым, и зрителем-слушателем: эдакая игра в кукольный театр, где левая и правая руки — актеры, а голова — рассказчик и зритель. Вообще-то инфантильная картинка получается: аутизм в запущенной стадии»⁸.

В интернете, в виртуальном пространстве мы фиксируем удивительный феномен: раздвоение человека — и возникновение двух субъектов, двух персонажей — человека реального, идентифицируемого, и человека виртуального, часто анонимного, скрывающегося за ником. Но даже если и не анонимного, не скрывающего свое имя, то принципиально другого, ведущего себя при общении с себе подобными по другим правилам и законам. Причем субъективно этот виртуальный мир, это пространство пребывания *себя другого* воспринимается как некая реальность.

В.А. Подорога, анализируя произведения Гоголя и Достоевского, описал два смежных, но различных феномена — образование двойника и психомиметическое удвоение: «Я расщепляюсь (раздваиваюсь) по одним законам, а являюсь “двойником” по другим»⁹. Но раздвоение/удвоение человека в интернете — это нечто иное, нежели два описанных Подорогой феномена. Это существенно иная ситуация: как если бы майор Ковалев лично отсек себе нос и затем под ником *nose* отправил его в некое параллельное пространство, реальное или виртуальное, определяя каждый его шаг и постоянно сознавая при этом, что он в не состоянии его контролировать, что персонаж функционирует по своим собственным законам...

Заметим, что для нас существенно социально-философское, а не сугубо технологическое понимание виртуального пространства. То есть в данном случае как «материя» виртуального мира рассматривается отнюдь не трехмерные динамические графика и звук, которые формируют достоверный образ виртуального пространства «с точки зрения пользователя», как это нередко подчеркивается¹⁰. Для нас виртуальность — это некая эманация сознания, которое строит свой собственный мир, отличный от реального и наделяет его своей собственной системой человеческих связей, это специфическое жизненное пространство, где действует субъект, в сознании которого возникает и существует этот мир.

Возможно, только мир религиозного сознания можно сравнить с этим виртуальным пространством. И не случайно РПЦ придает сегодня (то есть после интронизации патриарха Кирилла) столь значительное внимание экспансии в интернете. При этом проводится весьма небеспочвенная мысль о сходстве интернет-пространства даже не только и не столько с пространством религиозной жизни, сколько с пространством культуры в целом. Приведу характерное высказывание протоиерея Павла Великанова: «Мы не можем сегодня позволить себе роскошь жизни исключительно в реальном мире. Тем более что он сам по себе никогда и не существовал: ведь любое пространство культуры — это пространство виртуальное. В этом смысле от наскального рисунка пещеры Ласко до трехмерных аватар в *Second Life* расстояние куда

меньше, чем от палки в руках обезьяны до кремниевого ножа кроманьонца. Но если “хорошая виртуальность” возвращает человека к реальности уже другими, с правильными или улучшенными понятиями и представлениями, то “плохая виртуальность” затягивает и замыкает в себе самом»¹¹.

Подобная постановка вопроса нуждается в определенной коррекции. Виртуальное пространство культуры, в которое индивид входит со своими переживаниями, эмоциями, фантазиями (например, читая книгу, просматривая художественный фильм, слушая музыку и т.д.), — это пространство, в котором этот индивид не функционирует ни в какой форме, кроме воображаемой. Никому не запрещено вообразить себя четвертым мушкетером или пятым битлом. Но очень сложно оставить коммент под знаменитым ленноновским «Мы более популярны, чем Иисус Христос» и тем более дожидаться ответа от автора высказывания. Интернет — это виртуальное пространство другого рода. Это пространство реального общения, где индивид является субъектом, актором, фигурантом, который переживает не только чужие, но и собственные действия.

И на фоне этой новой, невиданной ранее жизнеподобной виртуальности все прочие виртуальные пространства нередко становятся не вполне конкурентоспособными. Субъективный статус нового виртуального пространства повышается для индивида непомерно, порой заслоняя реальный мир. Это своего рода пространство экзистенциальной шизофрении, среда и способ жизни и общения виртуального человека, который в одно и то же время и тот, что в реальной действительности, и иной.

4. Коллективные комплексы: психоанализ без психоаналитика

Иногда говорят, что всемирная Сеть — это большая помойка. Тут всегда хочется переспросить — а что тогда следует сказать, например, о телевидении? Ведь есть огромное количество информации, особенно политической, которую российскому потребителю возможно получить только в Сети. Но что действительно приходится признать, так это то, что интернет является аккумулятором не самых лучших проявлений не самых лучших человеческих натур. В частности, интернет-пространство служит средой проявления острых и плохо поддающихся лечению социальных комплексов и фобий.

Фобия — это, напомним, непреодолимый навязчивый страх; психопатическое состояние, характеризующееся немотивированным страхом (определение «Толкового словаря русского языка» Д.Н. Ушакова). Постсоветские фобии — это фобии, предполагающие, помимо страха, еще исключительную концентрацию не-

ненависти. Типичные, знаковые для постсоветского человека объекты фобистических проявлений — Чубайс, Новодворская, Ксения Собчак (зарубежных лидеров мы сейчас оставим в стороне). Но необходимо, конечно, добавить к списку Америку как таковую, безотносительно к персонажам и персоналиям.

Концентрация этой ненависти поразительна, учитывая то, что профессиональная деятельность Ксении Собчак на ТВ и ее гламурные приключения никак не затрагивают фундаментальных интересов большей части пораженных фобией индивидов. А также принимая во внимание ничтожность политического влияния Валерии Новодворской, даже в кругах оппозиции.

Думаю, что ненависть к Новодворской невозможно объяснить в чисто политических контекстах. Все-таки это в первую очередь объединение слабых, ущемленных, обделенных, нищих духом в травле слабого, но негибающегося, по типу школьных бойкотов. А у Новодворской есть несколько явных признаков так, в подростковом духе, понимаемой слабости — не стану их здесь перечислять.

И то, что Анатолий Чубайс оказывается в одном ряду с Собчак и Новодворской и что эманации возбужденного постсоветского сознания оказываются здесь совершенно однотипными, и в смыслах, и в формах выражения, и в стилистике, наводит на мысль, что фобии эти связаны не столько с реальной деятельностью тех или иных фигурантов, сколько с потребностью значительной массы интернет-населения в выражении ненависти. Иными словами, это не эманация принципиального и бескомпромиссного политического или культурного сознания, а проявление некоего социального недуга. При этом социальные комплексы — это не сумма индивидуальных комплексов. Это феномен иного качества, иного порядка.

И, наконец, Америка, американцы, «америкосы», «пиндосы». Страна, с которой СССР/Россия никогда не воевали. Однако травма поражения в «холодной войне» настолько сильна, а уровень понимания мировых реалий настолько примитивен, что именно на США возлагается вина за все беды и обиды, начиная с распада СССР. Словосочетание «вашингтонский обком» стало одним из самых популярных в Рунете — и одновременно сделалось своеобразным маркером уровня сознания населяющих русский политический интернет индивидов. Немотивированная или примитивно мотивированная ненависть. Удручающие проявления человеческой натуры и массового сознания. Недовольство собой и своей жизнью обрушивается на другого/других, причем этот другой не причинил видимого зла. Он раздражает самым своим существованием. Он вызывает ненависть фактом своего успеха и благополучия. Он не укладывается в наличествующие матрицы сознания.

Человек, у которого есть психологическая потребность самоутвердиться за счет издевательства над теми или иными фигурантами публичного пространства, вообразить и описать вожаденное уничтожение «пиндосов» или представить сладкую картину публичной казни Чубайса, обретает в интернете широкую аудиторию. И интернет становится для него кушеткой психоаналитика. Но, к сожалению, в отсутствие самого психоаналитика. Проговорить свои комплексы и фобии — эту возможность Сеть предоставляет. А вот психотерапевтическое воздействие оказывать некому. Вот почему комплексы и фобии здесь не врачуются, а только воспроизводятся и гальванизируются.

* * *

Очевидно, что к исходу первого десятилетия XXI в. интернет сформировался как некое новое пространство бытия, проявления человеческой субъективности, общения человека с другими людьми и окружающим миром, самоутверждения и самореализации. Столь же очевидно, что это пространство во все большей степени становится фактором формирования и изменения интегрированного в него человека.

С одной стороны, существование человека в Сети продолжает какие-то доинтернетовские трансформации человеческих отношений. Все уже привыкли к сетованиям по поводу того, что даже близкие друзья не встречаются годами, предпочитая перезваниваться по телефону. Теперь на место телефона заступила электронная почта, в конце концов, «аська» (ICQ). Равным образом, многократно высказывалась мысль о том, что устойчивость и субъективная ценность человеческих связей падает, что, например, развод перестает быть той трагедией, каковой он был раньше, что так называемая мать-одиночка уже не является одиозной и трагической фигурой, вызывающей презрительное сочувствие или сочувственное презрение. «Цена» разрыва отношений также падает, степень зависимости от конкретного человека, несмотря на множество конкретных драм, снижается. Все это обнаруживается и в параллельной интернет-жизни.

Выше уже было сказано о фрагментации информационных потоков и, в конечном счете, об изменении механизма восприятия информации и содержания знаний. Но эта же тенденция обозначилась и вне интернета — скажем, пресловутый ЕГЭ является воплощением разорванности, фрагментации знания и аннигиляции его целостности. То есть вектор обозначился, во-первых, в доинтернетовские времена и, во-вторых, во времена интернетовские продолжается развиваться вне и помимо интернета. Но, с другой стороны, взаимоотношения в интернет-пространстве — это некое иное качество этого тренда.

Мы также говорили о возможном изменении режима работы человеческого мозга, погруженного в пространство интернет-коммуникации. Но нечто подобное происходит не только в процессе поглощения информации, но и в сфере человеческих отношений. Жизнь, та специфическая, параллельная реальности интернет-жизнь, которой посвящена эта статья, дробится на все более короткие фрагменты. Они становятся все более взаимозаменяемыми. Взаимозаменяемость приводит к тому, что субъективная значимость каждого из составляющих интернет-бытие кластеров уменьшается. Переход от контактов с одним фигурантом к контактам с другим становится мгновенным и легким. Но здесь изменениям подвергается не мозг человека, а так сказать, «душа», культурное ядро личности, вся система представлений о человеческом и приемлемых и неприемлемых способах его проявления, а также выработанные годами и поколениями способы проявления этого человеческого.

При этом эмоциональные издержки интернет-общения остаются достаточно высокими, как о том пишут некоторые пользователи, пытающиеся осмыслить проблему. В каком-то смысле интернет — это альтернатива и/или дополнение нашему апатичному, пораженному аномией миру. Пространство, где человек пытается почувствовать себя сильным, уверенным, уважаемым, остроумным, энергичным и т.д.

Вместе с тем в оценке воздействия интернета на мир человека нужна мера. Когда утверждается, что интернет приводит к «разрушению традиционных общественных связей, появлению каких-то заменителей, что почти равносильно исчезновению общества как такового»¹², это представляется значительным преувеличением. Прежде всего потому, что интернет для огромной массы пользователей — параллельное пространство, а не среда, *заменяющая* реальный мир. Хрестоматийный пример насчет того, как друзья или коллеги по работе говорят друг с другом по IRC в течение часа, сидя рядом в офисе и явно предпочитая такое общение обычной человеческой беседе, — не более чем яркий образ, откровенно гиперболизирующий некоторые реальные тенденции развития.

Так или иначе, всемирная Сеть дает людям то, чего им не хватает и к чему они так стремятся. И прежде всего она удовлетворяет неискоренимое стремление человека быть субъектом, а не объектом. Это стремление реализуется в самых различных формах, от весьма возвышенных до откровенно отталкивающих. В этом смысле интернет, и особенно социальные сети, могли бы стать идеальным объектом исследования и, возможно, средой деятельности для экзистенциалистов первой волны. Прочитирую

Г.М. Тавризян, которая еще в 70-е годы отмечала: «Часто в экзистенциализме мы видим попытки спасти, утвердить как неотъемлемую сущность человека все наиболее смутное и неуловимое, на что в меньшей мере посягает цензура общества. Подчас то, что можно было бы считать наиболее животным в человеке, становится как бы последним прибежищем человеческого, во что можно погрузиться, уйти непотревоженным, где еще можно быть “у себя”»¹³.

Очевидно, что эти попытки утвердить сущность человека, со всей присущей ей смутностью и неуловимостью, мы видим, прежде всего, в социуме (а теперь уже и в Сети) в форме личного, индивидуального самоутверждения, мы наблюдаем их как эманацию человеческого и затем уже как отражение в философской рефлексии. Хотя, как представляется, утверждение человеческого в среде, которая по самой своей природе является искусственной, условной, есть признак некоего экзистенциального неблагополучия и некий диагноз миру реальному.

Как изменяется человек, привязанный к интернету, как читатель и потребитель информации, мы, правда, в самых общих чертах, представляем.

Как от этого двомирного существования изменяется человек экзистенциально, мы пока не знаем. Но неплохо было бы хотя бы понять, что именно это — главный вопрос. Именно это, а не контроль за экстремистскими призывами в Сети, обеспечение авторских прав или что-то иное из этого ряда, чем так озабочены власть и некоторые экономические субъекты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: *Королев С.А. Повседневность и власть: в поисках социально-философской методологии // Философия и культура. 2008. № 3.*

² *The Atlantic Monthly. July–August. 2008.*

³ Автор полагает возможным использовать этот термин из лексикона интернет-пользователей, поскольку сложно найти понятие, которое с такой отчетливостью выражало бы представление о реальной жизни как параллельном мире, противостоящем *Сети*.

⁴ См.: *Федотова В.Г. Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 3.*

⁵ Жаргон падонкафф, он же «Олбанский язык» («Олбанской йазыг» и прочие аналогичные искажения) — широко распространившийся в Рунете в начале XXI в. стиль употребления русского языка с фонетически почти верным, но нарочно неправильным написанием слов (так называемым эрративом), частым употреблением мата и определенных штампов, характерных для сленгов. Наиболее часто используется при написании комментариев к текстам в блогах, чатах и web-форумах. Сленг породил множество стереотипных выра-

- жений и интернет-мемов, в частности, с ним связывают мем «предвед» (Википедия).
- ⁶ Барлоу Джон Перри. Декларация независимости Киберпространства // Компьютерра. 1997. № 29.
- ⁷ Дацюк С. Парадоксальная интенция свободы в Internet // http://www.uis.kiev.ua/~xyz/page_int.html
- ⁸ <http://www.phil63.ru/tema-dlya-obsuzhdeniya-otkrylysa-sait-filosofskaya-samara> (выделено мной. – С.К.)
- ⁹ Подорога В.А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы в двух томах. Т.1. Н. Гоголь. Ф.Достоевский. – М.: Культурная революция; Логос, 2006. – С. 502.
- ¹⁰ См., например: *Браславский П.И.* Театр и его двойник – виртуальная реальность // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 27.
- ¹¹ Цит. по: Крестовый поход в интернет – мнения экспертов // Федеральный информационный портал Regions.ru/«Новости Федерации». – 05.03.2009. <http://www.regions.ru/news/2199948/>
- ¹² Липаткин А. Негативные последствия развития сети Internet // <http://testpsy.chat.ru/litra/6-problems.html>
- ¹³ Тавризян Г.М. Проблема человека во французском экзистенциализме. – М.: Наука, 1977. – С. 87.

Аннотация

Статья посвящена анализу многообразного воздействия, которое оказывает интернет на бытие и сущностные проявления современного человека. Интернет анализируется и как сфера самоутверждения и своеобразной психологической компенсации непризнанности и нереализованности в «реале», и как пространство творческой самореализации. Наконец, в статье показывается, что для многих его обитателей интернет начинает выполнять функцию своего рода коллективного психоаналитика. В конечном счете, многим постоянным обитателям интернета всемирная Сеть дает возможность выстроить своего рода «параллельную жизнь», суррогат и заменитель жизни реальной.

Ключевые слова:

человек, интернет, бытие, информация, язык, самоутверждение, самореализация, коммуникация, сознание, виртуальность, фобия, гражданское общество.

Summary

The article is devoted to the analysis of diverse influence which renders the Internet on life and intrinsic displays of the modern person. The Internet is analyzed also as sphere of self-affirmation and original psychological indemnification for failure in real life, and as space of creative self-realization. At last, in this article it is shown that for its many inhabitants the Internet starts to carry out function some kind of the collective psychoanalyst. Finally, to many constant users of the Internet it gives the chance to build some kind of «parallel life», a substitute of life real.

Keywords:

person, Internet, life, information, language, self-affirmation, self-realization, communications, consciousness, virtuality, phobia, civil society.